

Солнце трепетно, стесняясь, осветило кухню хрущёвки. Несмотря на его свет, внутри холодильника было темно. Он стоял боком к окну, отгороженный от него шторой, которая прикрывала трещину на стекле. Темно было уже неделю, перегорела лампочка. Она закоксувалась в патроне, и её невозможно было открутить. Хоронить лампочку будут вместе с холодильником. Оказывается, к темноте в холодильнике можно привыкнуть. Наверное, можно привыкнуть к темноте вообще. Как-то живут кроты. Анастасия, не обнаружив контейнера с пирожным на нижней полке, начала раздвигать банки. Она проворно переставляла их, будто играла в напёрстки, будто надеялась обнаружить под ними желанный шарик, но и здесь её ждало разочарование. Тогда она встала на цыпочки, всмотрелась в завалы на верхней полке, подняла руки и уже хотела отодвинуть пакет с просроченным кефиром, как халат распахнулся, оголив фиолетовый лифчик. Анастасия проворно опустила руки и, запахнув халат, с досадой посмотрела через плечо направо, туда, где доедали рисовую кашу девочка лет семи и пожилая женщина. Она крепче подвязала халат, под которым остался незамеченным новый лифчик, и снова углубилась на верхнюю полку.

«Снова этот кефир. Уже неделю мать обещала постряпать оладьи, он наверняка приобрёл нотки зелёного оттенка. Ага, вот и контейнер» – досада сменилась разочарованием. Даже скорее чувством предательства. На дне контейнера нищенски лежал остаток бисквита. Свидетельство заботы о ближнем. Издёвка.

– Наташка, ты опять съела мою пирожку, я накажу тебя, – хлопком закрыла холодильник Анастасия.

«Убила бы. Сколько можно. Я тоже люблю пирожное. Откуда это? Это я подумала? Она же моя дочь. Я должна её любить. Я люблю её», –

пронеслось в голове Анастасии, пока она несла чайник от плиты к столу.

«Вот раньше были чайники. А это пластиковый бочонок с открывающейся крышкой. Везде одинаковые чайники, одинаковые жизни».

– Настя, тебе тридцать, Наташе семь. Ну о чём ты говоришь, – мягко сказала баба Лиза, пододвинув свою чашку к чайнику. Пожилая женщина с большим родимым пятном на правой щеке перехватила чайник у Анастасии и начала разливать его по чашкам.

– Я тоже люблю пирожные, – насупленно не унималась Анастасия. – А тебе скоро шестьдесят, могла бы позаботиться о дочери и прибрать половину, – обида волнами подступала к горлу, пережимая доводы рассудка. Она очень хотела выплеснуться потоком брани, но мысль:

«Это же мои мать и дочь», – удержала поток ругательств крепкой запрудой. Она вернулась к холодильнику, достала варенье и начала жирно мазать его на кусок белого хлеба. Может быть, целая банка и заглушила бы обиду.

«Я должна быть сильной. Я должна уметь держать удары», – эхом катилось внутри.

«Странная мысль», – откатом привалило в затылок.

Наташа в это время сидела на стуле, махая ногами, будто куда-то бежала. Она постоянно бежала, бежала либо от, либо к. Вот и сейчас она могла бы говорить, смеяться или плакать, а ноги совершали свой уже десятый круг по только ей ведомому стадиону.

– Мам, не надо агриться. Я больше так не буду, – на мгновение замерла Наташа и тут же побежала дальше.

Тишина непонимания повисла на кухне.

– Что?!

– В смысле не злись.

– Мам, по-моему, она издевается, с сегодняшнего дня я пирожные больше не покупаю, – выдавила из себя Анастасия:

«Ну почему именно я должна идти в магазин, стоять в очереди и доедать крошки? Одна плохо ходит, другая хорошо ест», – давилась параллельно мысль.

– Настя, любовь всё превозможет, – ответила бабушка Лиза.

– Где она, эта любовь? – взвизгнула Анастасия. – Я уже три года одна, как будто прокажённая! Я хочу любви, я даже, может, хочу ещё детей. Я хочу материнский капитал! Даже у этой бестолковой соседки Аньки и то есть материнский капитал.

– Ты одна? А как же дочь? Я, в конце концов? Вон, наша мышка Клара, она одна! Настя, она всю жизнь одна. Ты обращала внимание, как она смотрит, она иногда так смотрит, что, кажется, будто это кто-то из моих предков судит меня... Иногда думаю: может, поцеловать её... Кстати, чудеса случаются и с мышами. Соседская подруга Наташи вчера попросила приютить их мышонка, они с семьёй полетели на юг. Так что у нас гости. Надеюсь, у Клары наступил период материнской любви. Наташ, а ты кормила их сегодня?

Наташа перестала мучить рисовую кашу, выскочила из-за стола и, обретя почву под ногами, продолжила свой бег, теперь уже в соседнюю комнату, прихватив корм. Спустя минуту оттуда донёсся зашкаливающий визг девочки. Он был нечеловеческой тональности, будто она увидела змею. Анастасия и баба Лиза, опрокинув стол, наперегонки выскочили в зал. Наташа стояла над клеткой и с перекошенным ртом показывала на неё. Женщины со страхом заглянули внутрь, будто в бездонную

пропасть, и обнаружили там Клару, которая своей челюстью обхватила шею мышонка и сжала её, как тигр сжимает свою добычу. Несколько капель крови стекали по её подбородку. Мышонок обречённо дёргал задними лапками, с уже закрытыми глазами. Темнота природной силы сгустилась над клеткой. Клара косила глазом на женщин со зловещей ухмылкой, будто говорила:

«Шаг от жизни к смерти очень маленький. К смерти даже не нужно шагать, нужно только подумать о ней, и она сама подойдёт».

Первой пришла в себя Анастасия:

– Нет ничего страшнее материнской любви, она и лечит, и убивает. Всё зависит от силы сжатия челюстей. Хотя здесь что-то другое – может, конкуренция семей. Наташка, быстро одеваться, выходим в школу, – ослабила своё сжатие Анастасия.

* * *

Лифт опять не работал. По-видимому, он запил вместе со слесарем Николаем. Вчера Николая пытались дозваться поменять лампочку на нижнем этаже, но только голодный пёс слесаря кружил по двору в поисках сочувствия и любви.

«Лифт не работает, а я что, обязана?» – посмотрела на тёмную кнопку лифта Анастасия.

Опомнившись, она прихватила Наташу, и они, опаздывая, слетели с пятого этажа и выскочили во двор, разогнав стаю воробьёв, которые до этого нищенски сидели в весенних лужах, пытаясь найти прошлогодний корм. Солнце ещё робко выглядывало из-за соседнего дома, только догадываясь о том, что скоро начнёт здесь хозяйничать. Двор был почти пуст. Пятнадцать минут назад все уже разошлись по школам и работам. Только местная юродивая Клара, в честь которой была названа мышь, сгоняла с ветки грача. Когда грач внял усилиям Клары и недовольно перелетел выше, юродивая повернулась к проходящей мимо паре и прошептала:

– Что, Настя, мамку свою вспоминаешь? Все хотят быть первыми. Кровищи было много, когда твой папка её саданул.

– Ты что, чокнутая, несёшь. Тебе грач голову замутил. Иди лучше с воробьями почирикай, они ещё чего тебе расскажут.

– А ты в детдом местный сходи. Много чего узнаешь.

Ошарашенная Анастасия отпрянула в сторону, прихватив за руку Наташу. Дочь почти в полёте показала Кларе язык. Анастасия прибавила насколько возможно шаг, и они вышли через арку на улицу. Движение автомобилей запустило ход мыслей и сняло первоначальный шок от услышанного.

«Дать бы ей. Так нет же. У нас свобода слова. Может нести всё, что ей захочется. Может, её insult сгрёб остатки разума? Но ведь что-то ей привиделось? Ладно, вечером мамку спрошу».

Анастасия с Наташей традиционно опоздали. На десять минут младшая и на двадцать старшая. И в школе, и на работе к этому давно привыкли. Учительница, не отрываясь от доски, блеснула своими очками и сказала:

– Кто поздно встаёт, тому чёрт подаёт.

Начальник Анастасии, главбух, сухопарый, как вся экономика, сказал:

– Системность – признак мастерства, – и презрительно прошёл мимо.

Анастасия работала экономистом в строительной компании. Её задача была сводить концы с концами. А концов было много – то прорабы закажут лишний материал, то заказчик изменит проект, вследствие чего произойдёт пересортица. Она всегда говорила, что без неё предприятие вмиг задохнётся в собственных испражнениях. На её место было не особенно много желающих, и поэтому её опоздания терпели.

Анастасия села за компьютер и углубилась в таблицы. Цифры, цифры, цифры проносились мимо. Как будто компьютерные мысли. Они собирались в предложения, затем в тексты, потом всё это рассыпалось очередным бредом квартального отчёта.

«А как выглядит компьютерная кровь?» – воспоминания о крови, упомянутой юривой Кларой, не выходили из головы. Анастасия представила компьютерные роды, небольшой калькулятор, вырастающий затем в суперкомпьютер, который может контролировать сведение баланса целой страны. У Анастасии захватило дух. Но компьютерную кровь она так и не смогла представить. Компьютерная семья, дом, детдом... Слово «детдом» резануло по её памяти:

«Что это значит? Клара хотела сказать, что моя мама мне неродная? А что же тогда могло случиться? Бред, бред, бред! Я её помню всю жизнь. Но странные всплески ненависти? Будто мы чужие. Но и на дочь я часто злуюсь», – вспомнилась утренняя перепалка.

«Дочь... Она причина моего одиночества», – эмоции желваками ходили по лицу девушки. Но вдруг остановились... Вечерний свет фонарей рябил от нехватки напряжения в электросети. Запах сирени отдавал сладковатыми азиатскими нотками, так же как окрас цветов в жёлтом освещении был романтически пурпурным. Её проводили до дома, и Анастасия предложила ему посидеть на скамейке перед тем, как разойтись по своим заурядным квартирам. Она знала каждый дюйм этой скамейки – Анастасия всё детство просидела на ней, играя с подружками в резинку. Но чтобы с юношей. Это было впервые... Он наклонился, чтобы поднять что-то, светящееся во мраке, и, наверно, случайно задел её по голени – искра пронеслась до самого её затылка. Почувствовал ли он это? Губы налились такой же тяжестью, какой был наполнен воздух вокруг. Дыхание стало более глубоким, пытающимся не потерять ни единой нотки аромата этого вечера. Его ладонь легла поверх её руки, которая стала более отчётливо ощущать вырезанную ножом на скамье фигурку пирамиды – фигуру гармонии и откровения...

– Лен, пойдём покурим. – обратилась она к бухгалтеру Елене, сидящей напротив. Из-за компьютера показалось ехидноподобное лицо.

– Ты же не куришь? – ухмыльнулось оно.

– Закуришь тут, – бросила Анастасия и первой пошла на улицу.

«Первый поцелуй – размазанная помада, первый ребёнок – размазанная фигура, первая сигарета – размазанная жизнь. Что будет следующим? Что такое размазанная смерть?» – посмотрелась Анастасия в зеркало в коридоре. Там отобразилась симпатичная высокая блондинка с несколько взбалмошным каре. Она даже успела вчера погладить юбку и сделать маникюр. Рука не удержалась и сфотографировала эту красоту на смартфон, автоматически направив её в клоаку инстаграма.

«Шило на мыло. Всё равно везде одни девчонки. В конторе все приличные мальчишки заняты, как хорошие места на парковке. А инстаграм пока не научился переводить редкий мужской виртуал в реал».

– Лен, ты как борешься с одиночеством? – прикурив, спросила Анастасия. Анастасия закашлялась, перебив Елену, выронила сигарету, слюни полетели во все стороны. Она начала бить ладонью по груди, как выбивала на выходных ковёр во дворе. И забыв про свой первый вопрос, выпалила:

– Зачем? Зачем люди делают это? Чтоб на фоне этого не замечать всего остального? Если всё исплётано, так можно ещё раз плюнуть? Что там грязь под ногами, когда всё в лёгких перепачкано! – Анастасия ногой оттолкнула окуроч, лежащий на крыльце. Вчера она посмотрела фильм про тёмное Средневековье, вспомнила помои, выливающиеся с балкона прямо на улицу.

«Человеку понадобилось нескольких столетий, чтобы очиститься снаружи, но он тут же начал гадить внутри. Миллиарды маленьких клеток в лёгких, выедаемые никотином. Все клетки – это потомки тех организмов, которые когда-то вышли из моря, прошли эволюцию от инфузории до той, которую я только что увидела в зеркале. Боже, откуда я всё это знаю?» – отвращение сменилось удивлением.

– Не знаю, Настя. Мужикам нравится. В курении есть какая-то таинственная сексуальная притягательность. Помогает бороться с одиночеством или, по крайней мере, забыть про него.

Анастасия вернулась на своё рабочее место. Прибрала бумаги, поставила карандаши и ручки, протёрла экран монитора, поставила ровно фоторамку с фотографией дочери и мамы.

«И что? Что-то изменилось? Порядка больше? Но порядок тосклив и скучен. А хочется жизни. Природа не терпит пустоты. Если нет жизни, приходит смерть. А она такая фантазёрка», – Анастасия вспомнила капельки крови на мышьиной челюсти.

Клетка с мышью, кровь, детдом, одиночество, квартальный отчёт, в котором был дисбаланс на полтора миллиона, – эти раздумья вымотали Анастасию. Вдобавок схлынуло возбуждение от неудачного опыта с курением, и она задремала. Пальцы по-прежнему набивали числа в отчётной таблице. Анастасия через силу пыталась сосредоточиться на чёрных маленьких таракашках, которые расползались, тускнели и, в конце концов, пропали...

* * *

Анастасия провалилась сквозь кристалл монитора, протекла по проводам и, наконец, оказалась в огромном пространстве – клокочущем, красном и алчном. Она пыталась всмотреться и разглядеть что-либо, но картина менялась с поразительной скоростью.

«Может, это и есть компьютерная кровь?» – возникло ощущение из прошлого, но ещё через мгновение Анастасия почувствовала, что она находится не внутри машины, а внутри себя, в собственном сердце. Ощущение было такое, как будто она находится внутри звезды, внутри термоядерного взрыва. Жар палил. Анастасия, оцепенев, пыталась что-нибудь разобрать. Но только картина сложилась во что-то определённое – какие-то огромные пещеры, внутри которых двигались облака красной субстанции, – как нечто, будто огромной губкой, стёрло картину, превратив её в бесформенную массу. Анастасия пыталась понять, что же в ней оцепенело, но не находила себя. Она ощущала себя всеми фибрами, но не могла обнаружить. Зрение здесь представляло собой нечто иное.

«Вот где настоящая жизнь! Откуда эта мысль, если меня нет?..» – не успела она додумать, как тёмная тень упала на колыхающуюся фигуру, похожую на огромный язык.

– Настя, я призвал тебя, чтобы объяснить: зачем ты.

– Что зачем? И кто ты? – Анастасия пыталась всмотреться в тень, но та распалась на множество монад и тут же собиралась вновь.

– У меня нет имени. Мне уже несколько миллиардов лет. Вы называете меня геном. Но я гораздо больше, чем ваши учёные себе представляют. Я присматриваю за всем живущим на этой планете. Мне важна каждая живая единица. Каждый живой экземпляр – это мой маленький шаг вперёд. Ты шагаешь по земле, я шагаю по времени. Поэтому, чем больше каждый произведёт непохожих на себя, тем больше крупных шагов я сделаю. Но иногда люди капризничают, и тогда я их наказываю. Благодаря мне появились мифы о Содоме и Гоморре. Однополые браки – это остановка моего движения. Я не допущу этого! А ты остановилась! Каждый шаг – это шаг на пути к сверхчеловеку. А каждая остановка – это неопределённость, которая опасна! – тень объяла Анастасию, стянув её в капсулу. – Мне нужно, чтобы ты рожала детей! Вот зачем ты мне нужна. А для этого освободись от дочери. Она тебе мешает! – голос громыхал внутри того, что было Анастасией.

Вдруг тень разжалась и перескочила на другую, колыхающуюся рядом фигуру, напоминающую собой вазу.

– Какими широкими отрезками я шагал в Средневековье. По десять детей в каждой семье. А как я радовался, когда Колумб привёз из Америки сифилис. Мутации в Европе просто зашкаливали. А сколько гениев появилось благодаря этому: Блез Паскаль, Сёрен Кьеркегор, Михаил Врубель, Фридрих Ницше, Шарль Бодлер... А в последнее время мне идти стало сложнее. Вы, люди, очистились от паразитов, которые помогали мне мутировать. Тогда я придумал аллергии. Да, да, аллергия – это борьба с пустотой, борьба с тенью. Иммуитет набрасывается на любую пылинку и поедает собственный организм. Но это было полбеда. Вы захотели долго жить – это мешает новым поколениям. В вас заложено бессознательное потребление смерти. Пришлось придумать курение. Но вы пошли дальше. Вы перестали рожать! Я подсказал вам ЭКО. И я уже раздумываю о восстановлении гермафродитизма у человека. Но это очень медленный путь. И я приказываю тебе освободиться от дочери и рожать, рожать, рожать...

Слово «рожать» эхом неслось по кабинету. Анастасия очнулась в испуге, осмотрелась, удивилась тому, какие поразительные сны демонстрирует подсознание, выдохнув, улыбнулась, посмотрела на Елену, которая что-то усердно набивала в своём смартфоне, вернулась к собственному экрану и остолбенела. На экране, крупным шрифтом, светилась надпись:

«Освободись от дочери»

Анастасию замутило, сердце застучало, и её стошнило прямо под собственный стол. Она виновато посмотрела на Елену и выскочила в уборную. Спустя десять минут Анастасия шла по улице, то ускоряясь, то замедляясь, борясь с подступающей тошнотой.

«Может, это единственная затяжка сигареты так на меня повлияла? Но надпись на экране – это же не пара случайно набитых букв. Это целое предложение. Если предположить, что какой-то геном руководит всем человечеством, то чего он ко мне привязался? Я жила без него

и дальше хочу жить без него. И как он хочет, чтобы я избавилась от дочери? Я что, просто матка?! А дочь мне мешает найти мужчину?»

Изображение двоилось. Мысли распадались на отдельные квадраты. Люди, попадающиеся по пути, превратились в наборы конструктора Лего, множество пирамид, параллелограммов и шаров.

«Вся эта многотысячная толпа вокруг – шаги генома? Его конструктор? И нужно просто нарожать детей, чтобы разнообразить его путь? Но это солнце, эти ручьи, текущие свободно и отражающие серебро воздуха. Эти набухшие почки. Это тоже его шаги? Да, видимо, так и есть».

Вдруг её мысли прервал воробей, слетевший с ветки тополя, нырнул Анастасии под ноги, выхватил коричневое зёрнышко и так же быстро улетел на другую сторону улицы.

«А ведь городские птицы теперь целиком зависят от человека. Если что-то случится с нами, погибнут и они. Как всё сложно».

* * *

– Мама! – с порога крикнула Анастасия. – Это правда, что мы с тобой не родные?

– Ты о чём? – сверкнула глазами мама и как-то обмякла.

– Мне соседи рассказали, – решила идти ва-банк Анастасия. Елизавета прислонилась к косяку двери и медленно сползла вдоль него, сев на корточки. Она медленно перевела взгляд с Анастасии на собственную ладонь и внимательно всмотрелась в неё, как будто там скрывалась разгадка. Её линия жизни в определённый момент раздвоилась.

Анастасия поняла, что юродивая была права. Обида снесла дверь с петель и плотно встала в дверном проёме, крепко обняв Анастасию за плечи.

– Мне скоро тридцать, неужели я не имею права знать правду? Как ты – могла? Как я не поняла этого раньше? Я же чувствовала.

– Настя, у вас в роду странная история, женщины несут в себе отпечаток чего-то тёмного. И это передаётся из поколения в поколение. Твоя мать, не сильно трезвая, пыталась тебя задушить, а твой отец, в таком же состоянии, сильно толкнул её, да не рассчитал, она, ударившись головой о батарею, рассекла голову и по дороге в больницу скончалась, – баба Лиза оторвалась от своей руки и осмелилась посмотреть на дочь.

Обида внутри Анастасии сменилась страхом. Призыв «освободиться от дочери и рожать, рожать, рожать» срезонировал с только что сказанным и гремел как из мегаваттной колонки прошлого. Анастасия стояла, согнувшись, силясь выдержать этот накал, но не удержалась и закричала во всё горло. Наташа прибежала на крик, бросилась в объятия бабушки и, косясь на собственную мать, пыталась понять происходящее. Анастасия огляделась, силясь осознать, где она и что она, и всмотрелась в собственную руку – как то, что помещается на острие булавки, может управлять людьми и миром? Читает ли он сейчас её мысли? Анастасия слышала, что геном находится в каждой клетке, и получается, что он не один, что их миллиарды. Ей представилось, как невероятно огромное количество маленьких червячков говорят внутри неё, перебивают друг друга, но в определённый момент их голоса начинают складываться и спустя мгновение они собираются в общий глас:

– Освободись от дочери и рожай, рожай, рожай!

Анастасия уже не понимала, чудится ей этот голос или он присутствует наяву. Голос судорогой отозвался на лице, и уголок рта Анастасии начал подёргиваться. Она перевела свой взгляд с руки на Наташу. Взгляд, в котором отсутствовали смысл и любовь. Баба Лиза почувствовала это и сильнее обняла внучку.

– Настя, я всегда любила тебя как родную, может быть, даже больше, даже тогда, когда узнала о твоей истории. Вначале это от меня скрыли. Настя, ты помнишь, как мы ездили в Анапу, тебе было шесть лет. Там на пляж приходил дед с большим коробом, в котором было мороженое. Ты всегда выбирала пломбир с клубникой, и эта клубника мазалась по губам, по подбородку.

– Как кровь! – перебила Анастасия.

– Нет, не как кровь, скорее как счастье. Ты тогда ещё потерялась. Как же я напугалась. Вы с соседским мальчишкой играли в песке. А когда мы с его мамой хотели вас позвать, вас не оказалось. Мы обежали весь пляж, но вас нигде не было. Мы зашли в воду, но и там вас не обнаружили. А когда мы вернулись к лежакам, вы уже снова сидели со своими игрушками и смеялись. Так вы нам и не объяснили, где вы были. Но те ощущения я не забуду, и тогда я поняла, что ты моя дочь! Пока человек рядом, мы не можем ощутить всей глубины своих чувств к нему. Это можно понять, только лишившись его. Мир делится на две части: с ним и без него. И это деление, когда любишь, очень болезненно.

«Что такое любовь? Мой геном, наверно, тоже любит меня, ведь он – это я. Он старается, чтобы у меня было больше детей, и он говорит о том, что в этом мне мешает конкретный ребёнок. Может, он знает, что во мне много любви и что мне надо раздать её?» – думы желваками ходили по лицу Анастасии, пока баба Лиза разглаживала помявшееся платье на приподнявшейся Наташе.

– А что с моим отцом? – отозвалась Анастасия.

– Ему дали семь лет. А спустя три года после отсидки он умер от алкоголизма, я была на его похоронах, он умер практически один, у него никого не осталось. Он очень тяжело пережил ту трагедию.

– Мне надо побыть одной, – Анастасия оторвалась от дверного косяка и пошла в спальню. Обида с трудом разлепила свои объятия.

– Мама, ты пойдёшь хоронить соседского мышонка? – спросила ничего не понимающая Наташа.

– Я пошла хоронить себя, – закрыла Анастасия за собой дверь.

– Пойдём вдвоём, пусть отдохнёт, – сказала, вставая, бабушка.

Анастасия с лёту бухнулась в кровать, не расправляя её, и задёрнула руками и ногами, пытаясь снять напряжение. Остановившись, она всмотрелась в потолок, в сетку трещин, бегущих от угла, где виднелась паутина. Анастасии почудилось, что вся эта сеть – паутина и что она спускается с потолка и обволакивает собой её. Вся жизнь – это дробление и стягивание спирали в точку: неудачное детство, неудачный брак, сокративший возможности и оставивший груз. Финансовое образование ещё уменьшило широту обзора Анастасии, а карьерная лестница упёрлась в бронированную дверь главного бухгалтера. Паутина мыслей продолжала стягивать рассудок Анастасии. Личная жизнь напоминала стробоскоп – редкие вспышки общения с главным инженером, а потом опять темнота. Он женат. Она с грузом, не дающим ей развернуться. Где здесь её мысли, а где то, что навеивает геном?

«Дочь. А могу ли я представить себя без неё? Конечно, мешает. Конечно, таскает моё пирожное. Но я скучаю без неё. Как мы готовили ей платье на первое сентября!» – Анастасия не выдержала потока сознания и включила телевизор, попав на французский фильм «Графиня де Монсоро». Битвы на шпагах, романтические сцены, поцелуи отвлекли её, она забылась и от усталости задремала.

Ей снова приснилась красная колыхающаяся масса. Но в этот раз Анастасия уже шла навстречу ей без особого страха, и снова тень скользнула по одному из языков, развевающихся внутри этой массы.

– Мы подружимся с тобой! Я расскажу тебе, что пить, что есть и с кем дружить. Я чувствую все нюансы. Например, мне очень не хватает калия, ты должна есть бананы. Тебе нужно записаться на плавание, у тебя уже начались проблемы с позвоночником. Нужно чаще выезжать за город, здесь очень нехороший состав воздуха. И, главное, не забывай, кто тебе мешает. Тебе надо уйти от своей жизни, теперь тебя здесь ничто не держит. Ты приблизишься к сверхчеловеку! Все попытки ваших генетиков создать такого смехотворны. Они напоминают хирурга, который пришивает кролику хобот слона, добавляя сзади хвост павлина. Они даже близко не представляют себе всю сложность генома, как один ген влияет на другой. Ведь это цельный паттерн. Меняя один ген, как им кажется, вредный, они ставят запруды в ручейках судеб...

– Настя! – резкий, как выстрел, голос мамы вывел Анастасию из сна. – Что здесь происходит? – баба Лиза показывала на руки дочери, которые где-то раздобыли ножницы и вырезали из простыни геометрические фигуры. Телевизор надрывался, передавая погоню, и всячески старался, чтобы его тоже услышали. Анастасия бросила ножницы и разрыдалась.

– Пойдём ужинать, – обняла свою дочь баба Лиза. – А потом сразу спать. Всё пройдёт. Бог нам поможет. Я верю. Я тебя очень люблю. Это всё нервы. Мы можем куда-нибудь съездить, проветримся. Наташе тоже будет очень полезно. Она после утренней истории очень переживает.

– Мама, мне нельзя спать. Со мной что-то происходит во сне. Со мной кто-то говорит.

– Это у тебя нервная перегрузка. Пойдём ужинать. Мы похоронили мышку, – последнюю реплику баба Лиза уже договаривала на кухне.

Ужин прошёл молча, каждый думал о своём. Наташа капризничала, отказалась есть салат, ограничившись макаронами и сосиской. Анастасия накручивала спагетти на вилку и думала о водовороте жизни, в который засасывает каждого. Но что туда влечёт: каждый сам себя, геном, Бог?

«Отец и мать алкоголики. Родительские гены. Взять бы их и почистить. От алкоголизма, от ожирения, от злости, от тупости. И получилась бы такая стройная, умная, образованная красавица. И стала бы президентом. И что? Всяко лучше, чем жить в хрущёвке с двумя лицами женского пола. А ведь я считалась в семнадцать красавицей. Может, геном вернёт мою красоту, может, он действительно поможет? Возможно, нужно довериться ему, он, наверное, лучше знает?» – бросила странный взгляд на дочь Анастасия.

– Настя, всё образуется. Как тогда на пляже. Я уже позже узнала, что местный мороженщик привёл вас с улицы на пляж. Обычно чудеса разрешаются просто. Пойдёмте спать. Я когда-нибудь тебе всё расскажу про тебя подробнее, но не сегодня. Слишком тяжело, – попросила баба Лиза, домывая посуду. Она спала в большой комнате, а Анастасия

с Наташей – в спальне. Семья укладывалась спать. Наташа продолжала капризничать и отказалась убирать игрушки, потом чистить зубы. Ей было сказано ложиться с грязными зубами и в бардаке. Клара елозила по клетке и беспокойно что-то вынюхивала. Еды у неё была целая кормушка. Спустя полчаса в квартире стало тихо, только часы-ходики, прабабушкино наследство, мерно растворяли тишину. Анастасия погружалась в сон. Спагетти медленно растворялись внутри, притормаживая мыслительную деятельность, пока совсем не остановили её...

* * *

Углеводы, аминокислоты, растворяясь, разбегались по всему организму Анастасии, компенсируя дневные затраты. Они подпитывали её яичники, где потенциально готовилась выплеснуться новая жизнь, но эта готовность оставалась только потенциальной. Они подпитывали и её сны, в которых потенциальность сменялась эротизмом, который позволял ощутить всю глубину жизни хотя бы во сне. Анастасии снилась романтическая картинка, в которой она была графиней, а молодой принц добивался её руки. Её родители были против. Пройдя множество перипетий, они соединились в законном браке и начали совместный путь. Но спустя некоторое время выяснилось, что Анастасия бесплодна. Её горе не знало границ, Анастасия рыдала во сне, и эти рыдания разбудили её. Она очнулась, поняла, что это был сон, посмотрела в окно, где одинокая луна холодно и насуплено обзревала землю и почувствовала неизъяснимую тоску.

Анастасия встала, взяла подушку, подошла к кровати дочери и всмотрелась в темноту. Её сердце отдавалось глухим тоном по всей комнате, но внешне она была спокойна.

«Опустить подушку на неё, две-три минуты подержать, и она перестанет дышать. И я свободна. Хочешь – направо, хочешь – налево. А дальше геном подскажет, что делать». Белое пятно лица дочери просачивалось сквозь мрак. Оно отражало свет одиночества луны. Анастасия склонилась ближе и ощутила дыхание дочери. Дыхание горячим гейзером пробивалось сквозь лёд их отношений. Это дыхание обожгло Анастасию. Лёд, намороженный луной, треснул. Анастасия отпрянула, утирая лицо свободной от подушки рукой. Всмотрелась в темноту ещё раз, и белая картина сперва рассыпалась, а затем, подобно пазлу, начала собираться вновь, но уже в цветной паттерн.

«Кто я? Как я могу решать за Бога?» – Анастасии представилась картинка, где Наташе восемнадцать, её выпускной бал, одноклассники, приглашающие её на танец. И себя, стоящую среди родителей и улыбающуюся своей дочери. Дочери!

«Неужели я могла разделить мир на два, где есть такая картина и где её нет. Неужели я могла встать на место Бога. Нет я не имею права менять будущее!» – картина продолжала собираться. В этом новом мире она не ответила на ухаживания своего будущего мужа, не согласилась с отцом и не пошла в экономический. И все судьбоносные дробления, которые были совершены в её жизни, пропали, все возможности, которые она упустила, соединились в общую сложную многоцветную картину, в которой нет места геному, в которой темнота сверхчеловека осветилась всем разнообразием жизни. Время остановилось. Анастасия могла наблюдать все свои образы одновременно, и один из них был – графиня де Монсоро...

– Настя! – знакомый голос назвал знакомое имя. Девушка в белом силилась понять, откуда она знает это имя.

«Кажется, она обращается ко мне», – отозвалось в глубине. Женщина, небольшая и щуплая, как мартышка, тоже в белом, заглянула в дверь и позвала к себе, помахав рукой. Судя по низкому солнцу, было либо утро, либо наступал вечер. Комната была небольшой, напоминающей монастырскую келью. Скучность обстановки говорила о том, что монастырь был небогатым. Девушка в белом с надетыми бумажными кружевами привстала и спросила:

– Что вам?

– К вам пришли, пройдите со мной.

«Наверно, это принц. Он уже давно не показывался. Возможно, начал забывать меня», – девушка соскочила с кровати и выбежала вслед за мартышкой в коридор. Они прошли по длинному коридору, в конце которого стоял стол, за которым сидел мужчина средних лет, и тоже в белом. Напротив него сидела женщина пожилого возраста с большим родимым пятном. Девушка откуда-то знала её. Но принца не было.

«Опять он не пришёл. Сколько же можно ждать?»